

АРКАДИЙ ЗАХАРЬЕВИЧ ТЕЛЯКОВСКИЙ (1806—1891)

С именем военного инженера генерал-лейтенанта Аркадия Захарьевича Теляковского связана целая эпоха в развитии русской и европейской фортификации — науки об устройстве и применении укреплений на полях сражений. Аркадий Захарьевич Теляковский родился в 1806 г. Девятнадцати лет блестяще, с занесением на мраморную доску, он окончил курс Главного инженерного училища и получил звание полевого инженера, — так в то время назывались военные инженеры.

Некоторое время он работал в Инженерном департаменте Военного министерства. По его проектам перестраивалось здание Артиллерийского училища (впоследствии Артиллерийской академии). В начале русско-турецкой войны 1828—1829 гг. он отправился в действующую армию, где находился всю кампанию. За боевые заслуги он был награждён орденами Владимира 3-й степени и Георгия 4-й степени — высшими военными орденами того времени. После войны А. З. Теляковский некоторое время работал в провинции. В 1832 г. он получил от только что организованного Главного управления военно-учебных заведений приглашение занять кафедру фортификации в Павловском кадетском корпусе. С этого времени А. З. Теляковский полностью отдался педагогической деятельности, преподавая фортификацию в ряде кадетских корпусов вплоть до 1863 г.

Уже в начале педагогической деятельности А. З. Теляковский получил от Главного управления военно-учебных заведений предложение написать для учебных заведений, подведомственных этому управлению, руководство

по фортификации. Поводом для предложения явилась записка А. З. Теляковского по фортификации, представленная им в 1833 г. в комитет по составлению программ военно-учебных заведений. А. З. Теляковский принял предложение и отправился в командировку для осмотра и изучения наиболее интересных русских крепостей. Несмотря на свой достаточно большой строительный и боевой опыт, он счёл необходимым ознакомиться ещё более основательно с современной ему практикой фортификации.

В 1839 г. вышла в свет первая часть руководства А. З. Теляковского «Фортификация полевая», а через несколько лет вторая часть — «Фортификация долговременная». На появление этих работ живо откликнулась русская общественная мысль.

«Фортификация Теляковского есть одно из замечательных явлений в литературе военных наук и заслуживает внимания всех образованных военных людей... Это сочинение смело можно поставить в число оригинальных, самобытных, стоящих вровень с современным состоянием науки и искусства», — так характеризовала книгу газета «Северная пчела». «Курс его есть знаменательное явление не только в кругу учебной литературы, но и в специальном значении сочинения об инженерной науке», — писали «Отечественные записки».

В течение полутора десятка лет «Фортификация» А. З. Теляковского выдержала ряд изданий, причём каждое издание автор исправлял на основе последних достижений науки и опыта войн. Книга Теляковского не только не устаревала, а всегда стояла на высоте требований современности. Сразу же после выхода «Фортификации» в свет она, после предварительного рассмотрения в Военной академии — будущей Академии генерального штаба, — была рассмотрена на заседании Академии наук. А. З. Теляковскому была присуждена Демидовская премия. «Фортификация» становится настольной книгой для всех образованных военных людей. Её изучают не только кадеты, но и офицеры, давно сошедшие со школьной скамьи; её можно было найти во всех общественных библиотеках.

В 1847 г. А. З. Теляковскому было поручено прочитать пять публичных лекций в здании Главного штаба для офицерства и генералов. Лекции А. З. Теляковского также вызвали многочисленные отклики. О заключительной лекции «Северная пчела» писала, что у нас образовалась «своя русская школа инженеров, во многом отличающаяся от всех школ европейских и уже готовая выдержать смелое сравнение с ними, как в военно-строительном искусстве, так и в истинно-военном взгляде на теорию фортификации. Самые чтения Теляковского служат новым тому доказательством».

Книга А. З. Теляковского вызвала широкие отклики и за границей. «В этом сочинении, — писала «*Militaire Litterature Zeitung*» (1853 г.), — нельзя не заметить стремления двинуть науку вперёд, пользуясь фактами, извлечёнными из русской военной истории и основываясь на опытах, не заимствованных у соседей».

Когда опыт одиннадцатимесячной героической обороны Севастополя подтвердил правильность теории фортификации А. З. Теляковского, иностранная критика (в той же газете) отметила: «Школа, образующая таких теоретиков, как Теляковский, и таких практиков, как Тотлебен и Мельников, по справедливости должна называться первою в Европе». А. В. Мельников, упоминаемый газетой, руководил минной обороной на 3-м бастионе в Севастополе (1854—1855 гг.) и проявил необыкновенную изобретательность в проходке своих галлерей и уничтожении галлерей противника, был прозван за свою работу «Севастопольским кротом». Э. И. Тотлебен — военный инженер, руководивший фортификационными работами при обороне Севастополя.

«Фортификация» А. З. Теляковского была переведена почти на все европейские языки, в том числе на шведский, датский и даже испанский, и принята как руководство во многих военных школах Запада, в том числе и в знаменитой французской Сен-Сирской военной школе, где в своё время учился Наполеон I. Президент Французской республики, будущий Наполеон III, в 1852 г. прислал в подарок Николаю I книгу Теляковского на французском языке. Очевидно, это было одной из причин производства А. З. Теляковского в генерал-майоры.

«Фортификация» Теляковского замечательна тем, что А. З. Теляковский отказался от принятого тогда догматически-схоластического, построения и изложения этой науки, при котором отдельные явления описываются вне всякой связи между собой, без учёта конкретной обстановки и их возникновения. Во Франции, которая в научно-фортификационном отношении считалась первой страной в Европе, это было в особенности резко выражено. Впрочем, и остальные страны Европы особенно не отличались от Франции.

Западная фортификационная литература (Франция, Германия), этого периода полна формул, сложных начертаний, поражающих своей правильностью, симметричностью и мелкими техническими подробностями, по большей части на практике вовсе не осуществимых и не оправданных боевым опытом. Это отталкивало войска от устройства полевых укреплений вообще. В массе войск на Западе укоренилось убеждение в бесполезности полевых укреплений. Изучение фортификации было оторвано от прочих военных наук. Деление фортификации на полевую и долговременную определялось не назначением той и другой, а материалом конструкции. Инженеры трактовали укрепления так, как будто они могут иметь какое-либо значение и без войск.

Именно благодаря наличию в фортификации догматизма и схоластики Наполеон I мог сказать, что фортификация отстала на несколько веков от других военных наук.

Ф. Энгельс, описывая французские укрепления, признанные тогда верхом искусства, в 1859 г. писал, что «всякое правительство, которое срыло бы их, оказало бы Франции услугу. Но что сказало бы об этом традиционное французское суеверие?».

А. З. Теляковский принял другой метод изложения — исторический. Каждая эпоха в фортификации объясняется современным ей состоянием военного искусства, в частности, состоянием артиллерии и осадного искусства в целом. Отдельные фортификационные системы даны у него не изолированно друг от друга, а в их взаимозависимости. Во введении к первой части своей книги А. З. Теляковский указывает: «Для разделения фортификации на полевую и долговременную принято в основание различие тактических и стратегических соображений, которым подчиняются соображения инженера». Этот принцип разделения влил в фортификацию тот элемент жизни, которого ей не хватало, чтобы всегда и во время отвечать требованиям боевой Действительности.

Присуждая А. З. Теляковскому премию, Академия наук отметила, что в его книге раскрыта связь фортификации с тактикой и стратегией и что это и является одной из причин присуждения премии.

«Фортификация» А. З. Теляковского была не просто первой русской книгой по фортификации. В ней был ярко выражен русский национальный характер. Это сказывалось не только в том, что примеры в ней были взяты из русской военной истории, что в книге появились имена Петра I, Суворова и других. Национальный характер книги был, прежде всего, в том, что в основу её было положено то фортификационное искусство, которое практически сложилось в России не как подражание Западу, а как самостоятельное оригинальное творчество уже со времён Петра I. В противовес французской и германской школам, отстаивавшим первая — бастионную, вторая — полигональную системы, А. З. Теляковский разбирает недостатки и достоинства той и другой и заявляет, что важны не формы, как таковые, а то, как эти формы сообразуются с местностью в каждом частном случае; что возможны укрепления, содержащие в своих частях различные системы. Это нарушало правильность геометрических форм, чего не могла допустить официальная наука. Но дело фортификации, говорит А. З. Теляковский, — приспособить посредством укреплений местность к выгоднейшему действию войск, а потому лучшими являются те укрепления, «которые по разнообразию месторасположения большею частью получают фигуру геометрически неправильную».

Если посмотреть планы укреплений, возведённых со времени Петра I, т. е. с начала применения у нас новейших принципов фортификации, то видно, что большинство из них имеет элементы различных систем, и начертания укреплений определяются условиями местности и характером боевых задач. В соответствии с боевой практикой русских войск, книга А. З. Теляковского оставляла фортификационные формы гибкими, освобождала их от омертвлости и закостенелости, оторванности от боевых задач.

Особенностью борьбы русских за укрепленные пункты являлось необычайное упорство обороны, которое на всём протяжении русской истории отмечают и очевидцы иностранцы. Это упорство обороны объясняется тем, что понятия Родина, Отечество всегда стояли чрезвычайно высоко в чувствах русского народа и его армии. Русская армия была армией национальной, в то

время как в Западной Европе вплоть до XIX в. армии в основном были наёмные, состоящие иногда наполовину из иностранцев, для которых честь и интересы государства, которому они нанялись служить, были чужды.

Эти обстоятельства наложили различный отпечаток на фортификацию русскую и западноевропейскую. В странах Западной Европы долго боялись возводить убежища и вторые линии обороны в крепостях. Когда Монталамбер, гениальный французский инженер конца XVIII в., предложил делать убежища-казематы для гарнизона, он получил необычайный ответ одного из руководителей французского инженерного корпуса: «Наличие безопасных от артиллерии казематов дурно повлияет на мужество солдат, которые во время бомбардировки не пожелают выйти для отражения штурма». На этом основании предложение Монталамбера не было принято и во Франции долго боялись применять казематы и всячески ограничивали их число.

Уже Пётр I обратил особое внимание на устройство помещений, защищающих солдат от артиллерии. А. З. Теляковский настойчиво требует устраивать в крепостях такие помещения для гарнизона и предлагает для этого приспособлять оборонительные казематы, наличие которых не ослабляет, а увеличивает упорство защитников.

История показывает, что русские никогда не считали потерянным то, что под давлением обстоятельств оставлено, и всегда, даже в самый критический момент, помнили, что всё потерянное можно вернуть обратно. А. З. Теляковский учитывает особенность русских воинов — стремление к упорной внутренней обороне, стремление к контрштурму. В качестве внутреннего укрепления он полагает использовать оборонительные казематы, превратив их в редюит, откуда гарнизон может держать под своим огнём большую часть внутреннего укрепления, когда противник ворвался внутрь, и производить частичные контратаки до подхода резервов.

Иностранные правила и законы по обороне крепостей допускали сдачу крепости после первой же бреши в стенах, причём комендант не отдавался за это под суд. Такие быстрые сдачи крепостей наблюдались в начале XIX в., когда, например, немцы наперебой сдавали свои крепости небольшим разездам наполеоновской армии.

У А. З. Теляковского нет ни слова об этой, так называемой «честной капитуляции». Он требует от защитников крепости непоколебимой твёрдости, самопожертвования. В Севастополе в 1854—1855 гг. среди офицеров было много учеников А. З. Теляковского, которые честно выполнили заветы своего учителя. Но инженер обязан не только требовать или призывать к твёрдости, он обязан помочь гарнизону. Именно такую роль играли в русских фортах и других укреплениях помещения, защищающие от огня артиллерии, и редюиты, дающие возможность русской пехоте бороться даже тогда, когда, казалось бы, всё потеряно, бороться там, где другие давно бы уже капитулировали. Массу примеров такой героической обороны дала Великая Отечественная война с немецко-фашистскими оккупантами.

Чрезвычайно важную роль в развитии русской и западноевропейской фортификации сыграла идея А. З. Теляковского о создании таких фортов, которые могли бы не только обороняться, но и вести активные боевые действия. А. З. Теляковский выдвинул понимание форта как «передовой позиции, выгодной для наступательных целей». Поэтому форты должны содержать гарнизон, «достаточный для сильного противодействия правильной атаке, с резервом на случай штурма, с боевыми и жизненными запасами». Форт, в понимании А. З. Теляковского, есть вынесенная вперёд от ядра крепости пехотная позиция, способная к сильной самостоятельной обороне и наступлению. Оборона Севастополя 1854—1855 гг. характерна такой активностью, когда бастионы Севастополя превращались в пехотные укрепления.

Для защиты промежутков между фортами, говорит А. З. Теляковский, позади них «должны находиться фланкирующие укрепления, в крайности даже земляные батареи», защищённые от штурма. Впоследствии, в конце XIX в., русский инженер Величко превратил эти батареи в так называемые промежуточные капониры или полупромежуточные полукапониры, дающие фланговый огонь по обоим промежуткам. Эта идея капониров, т. е. фланкирующего огня, нашла себе всеобщее применение. В настоящее время она является одним из основных принципов всякой укреплённой позиции. Однако капонир Величко, имеющий в основе идею А. З. Теляковского, на Западе известен, вопреки истине, не как русское предложение, а как французское, и носит название «Casemate de Bounge». Русская схема крепостей, имеющая в своей основе положения А. З. Теляковского, была принята во Франции и некоторых других странах. Однако, так же как и капонир Величко, эта схема крепости, состоящей из фортов — опорных пунктов пехоты, получила название «французской».

Необходимо подчеркнуть, что ни А. З. Теляковский, ни его последователи не видели в фортификации какой-то отдельной силы, способной решать вопрос обороны. Всегда на первом плане А. З. Теляковский ставит человека, который лишь использует мёртвую мощь укреплений для упорной и активной обороны.

Многочисленные ученики А. З. Теляковского назвали его «дедушкой русской фортификации». И это справедливо. Русская фортификация обязана ему основными идеями, из которых сама эта наука выросла.

Несмотря на всё это, несмотря на то, что русская общественность чрезвычайно высоко ценила значение работы А. З. Теляковского для русской национальной культуры, несмотря даже на то, что западноевропейская печать внимательно следила за выходом его книг, немедленно отзываясь на них в печати, в русской военной и военно-инженерной печати царило полное молчание. Можно предположить, что в первом периоде научной деятельности А. З. Теляковский имел какое-то столкновение с Николаем I, в то время великим князем, занимавшим должность генерала-инспектора по инженерной части. В одном из случайно дошедших до нас отрывков воспоминаний А. З. Теляковского говорится о том, что впоследствии при встрече с Николаем I последний

сказал ему, что «всё старое забыто и прощено», но едва ли это было так. Ещё более важную роль в этом сыграло обстоятельство, что свежие оригинальные мысли и идеи А. З. Теляковского резко противоречили установившимся казённым взглядам в официальной военно-инженерной науке и, в особенности, в фортификации. Николай I, получивший в молодости военно-инженерное образование, считал себя незаурядным военным инженером и немедленно накладывал своё veto на всё, что противоречило его раз навсегда установившимся взглядам.

Прямой, принципиальный и независимый характер А. З. Теляковского, очевидно, играл немалую роль в том остракизме, которому он подвергся уже во второй половине своей жизни. Несогласие с постановкой курса и с новой учебной программой по фортификации, после реформы военного образования в 1863 г., повело к уходу А. З. Теляковского с педагогического поприща. Столкновение на служебной почве, в бытность кратковременного исполнения им должности председателя Технического комитета, с всесильным тогда и властолюбивым Тотлебенем повело к увольнению его в запас в 1865 г.

Резко критический отзыв А. З. Теляковского о новом учебном руководстве по фортификации двух преподавателей Военно-инженерной академии, напечатанном в «Русском инвалиде» в 1864 г. «с разрешения военного министра», после которого это руководство по приказу того же военного министра было изъято, поссорил его окончательно с военно-инженерным миром и послужил причиной того, что о последних 25 годах жизни А. З. Теляковского нам ничего неизвестно.

Аркадий Захарьевич Теляковский умер 19 сентября 1891 года.

Советская военная наука воскрешает из незаслуженного забвения деятельность большого учёного, положившего начало русской школы фортификации, стоящей на первом месте в мире, наследниками и продолжателями которой являются инженеры и командиры Советской Армии.

Главнейшие труды А. З. Теляковского: Фортификация. Часть первая, заключающая в себе фортификацию полевую, Спб., 1839; Фортификация. Часть вторая — Фортификация долговременная, Спб., 1846.

Источник: Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Под ред. С.И. Вавилова. — М., Л.: Гос. изд-во техн.-теоретической лит-ры. — 1948.